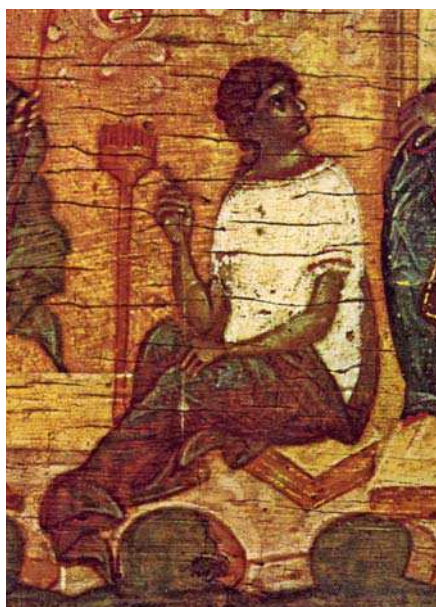

Образы

АГРАРНОЙ РОССИИ

IX–XVIII вв.

Памяти Натальи Александровны Горской

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
Р 89

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (*ответственный редактор*),
А.А. Горский, С.М. Каштанов,
Н.В. Соколова, А.В. Юрасов, В.Л. Янин

Образы аграрной России IX–XVIII вв. —
М.: «Индрик», 2013. — 256 с.

ISBN 978-5-91674-248-0

Сборник статей посвящен 80-летию известного российского историка Натальи Александровны Горской. Он содержит материалы мемориального и исследовательского характера ее коллег, друзей и учеников юбиляра по важным проблемам истории России IX–XVIII вв.

ISBN 978-5-91674-248-0

© Коллектив авторов,
Текст, 2013
© Издательство «Индрик»,
Оформление, 2013

Содержание

Предисловие.....	7
<i>Е.Н. Швейковская</i> Наталья Александровна Горская – вехи творческого пути	9
<i>Н.Г. Думова</i> Подарок судьбы	19
<i>С.О. Шмидт</i> Н.А. Горская и начало журнала «История СССР».....	27
<i>А.Н. Пушкарев</i> Трудолюбивая, знающая, элегантная.....	37
<i>Б.Н. Флоря</i> О формах организации крестьянства в период раннего и развитого средневековья в славянском мире	42
<i>Е.А. Мельникова</i> Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы)	49
<i>В.А. Кучкин</i> Население Руси в канун Батыева нашествия	67
<i>А.А. Горский</i> От погоста к волости	89
<i>М.Б. Свердлов</i> Российская историография первой половины XVIII в. о социальных отношениях в Древней Руси.....	94
<i>А.Г. Степанова</i> Демографические характеристики крестьянского двора в XV–XVI вв.....	121
<i>М.С. Черкасова</i> «Выводная куница» и «отпускные выводные» памяти на замужество в XVI–XVII вв.....	132

<i>Н.В. Соколова</i>	
Русская деревня: между конфликтом и консенсусом (на материалах монастырских вотчин Центральной России XVII – середины XVIII в.)	152
<i>И.А. Манькова</i>	
Приходское духовенство в Сибири XVII в.: проблемы формирования и обеспечения.	181
<i>А.И. Комиссаренко, А.Е. Чекунова</i>	
К вопросу о введении казенной руги на содержание русской церкви в 20–60-е гг. XVIII в.	199
<i>Н.В. Козлова</i>	
К изучению повседневной жизни русского города XVIII в. в современной отечественной историографии	209
<i>С.В. Черников</i>	
Крестьянский промысловый отход и развитие крепостнических отношений в российской деревне второй половины XVIII в.	216
<i>А.В. Ковальчук</i>	
Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е.А. Головцыне (1760–1770-е гг.)	230

Н.Г. Думова

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Когда в 1957 г. я пришла на работу в журнал «История СССР» (нынешнее название «Российская история»), заведующая отделом истории периода феодализма Н.А. Горская была в отпуске. Упоминая о ней в разговорах, сотрудники называли ее только по имени-отчеству, с ощутимой уважительной интонацией, и я представила себе мысленно массивную даму солидного возраста и руководящего вида. Оказалось, что это стройная, нарядно одетая 26-летняя женщина. Всего на три года старше меня, но я была только что со студенческой скамьи, а она уже – кандидат наук, успевшая заслужить немалый авторитет.

В нашей редакции, где собралась целая плеяда блестящих мужчин – С.О. Шмидт, И.Д. Ковальченко, В.П. Данилов, В.З. Дробижев, Ю.Ф. Карякин – к Наталье Александровне, единственной тогда женщине среди заведующих отделами, и коллеги, и руководство, и авторы относились с особым уважением. Так же было и в Институте истории, куда она впоследствии перешла (я не раз видела, что даже случайные люди на улице, в транспорте, в магазине говорили с ней почтительно). Мне кажется, что такое отношение коллег определялось не только свойствами ее характера и интеллектуальным уровнем, и не только тем, что она была очень четким, чрезвычайно компетентным и преданным делу работником. По-моему, немалую роль здесь играло такое редкое в те годы ее качество, как высокое чувство собственного достоинства. Видимо, оно было воспитано в семье.

Для Натальи Александровны ее родители и две бабушки (особенно бабушка по материнской линии), которые жили вместе с ними, значили очень много. Семейный быт, семейные традиции заложили основу ее характера. Она всегда поддерживала и культивировала родственные связи, любила рассказывать о своем детстве «на Большом Каретном». В том самом доме, о котором пел Высоцкий (песни его она, кстати сказать, не любила). Из ее рассказов было понятно, что, появившись на свет у немолодых по тем временам родителей (маме, Анне Станиславовне, на которую Наташа была очень похожа, было

37 лет), она росла в семье обожаемым и балуемым ребенком, независимым и решительным в своих стремлениях и поступках.

Чувствовалось, что все, связанное с жизнью, историей, обычаями ее семьи, по-своему патриархальной (отец, Александр Антонович, был из купеческого рода), мило и дорого ее сердцу. Помню, когда я поехала в командировку в Днепропетровск, она дала мне адрес дома, где жила в молодые годы Анна Станиславовна, и по возвращении подробно расспрашивала о нем, вникая в самые мелкие детали его внешнего вида и окружения.

Традиции семьи сохранялись ею в быту. Например, когда совершался переезд на новую квартиру, она не нанимала грузчиков, а приглашала друзей-мужчин, сотрудников редакции, помочь с перевозкой мебели. Мне сначала показалось это странным и не вполне удобным, но участники переезда были очень довольны: они поработали на славу, а потом было организовано импровизированное застолье, и обычно тяжелая процедура превратилась в веселое дружеское мероприятие.

То же было с дачей. Свое дачное гнездо на станции Ильинка по Казанской ж.д., в которое столько сил и труда вложил Александр Антонович, Наталья Александровна обожала – другого слова не подобрать. Каждый год вплоть до конца 1970-х с открытием дачного сезона в Ильинку приезжали друзья, родственники, вместе с хозяевами убрали участок, приводили в порядок дом, и все это проходило в форме дружеского общения, совместный труд на воздухе был не в тягость, а в радость, и семейное гостеприимство доставляло удовольствие добровольным помощникам.

Своих друзей Наталья Александровна любила как родных. Еще в школе она подружилась с Мариной Глебовной Мошковой и Ириной Ивановной Гушиной. Все трое поступили на Истфак МГУ, там они составили костяк замечательной студенческой компании, куда вошли недавние фронтовики Анатолий Дмитриевич Горский, Иван Дмитриевич Ковальченко и Юрий Александрович Мошков (две пары из компании поженились). Навсегда сохранившаяся дружба с этими людьми была для Натальи Александровны, как она не раз мне говорила, счастьем и одной из самых больших ценностей ее жизни.

Тринадцать лет мы провели с Наташей в одном редакционном кабинете, сидя друг напротив друга, оставались очень близки до самой ее кончины, и я являлась непосредственным свидетелем ее отношений с Мариной и Ирой. Это была удивительная дружба – без всякой тени соперничества, ревности друг к другу. Совершенно разные по характеру, все три подруги существовали в полной гармонии, в тесном единении. За те полвека, что я знала Наталью Александровну, они ни разу не поссорились.

Особенно близка ей по духу была Марина Глебовна. К дружескому, скорее даже сестринскому их союзу в полной мере применимо выражение «как две половинки яблока», употребляемое обычно по отношению к семейным парам. Их взаимопонимание, преданность и забота друг о друге, взаимная помощь, совпадение основополагающих жизненных принципов – все это приносило Наталье Александровне большую радость, поддерживало ее в самые тяжелые периоды жизни.

Стремление помочь было органическим свойством Натальи Александровны. Здесь тоже сказались наследственные гены и семейный пример. Ее родители приняли в свою семью двух сыновей репрессированной вслед за мужем сестры Анны Станиславовны и растили их как родных, несмотря на очень нелегкие жилищные и материальные условия – в семье из 7 человек, ютившейся в полутора комнатах, единственным кормильцем был Александр Антонович.

Наталья Александровна всегда была готова помочь не только близким, но и вообще людям, как-то с ней соприкасавшимся. Скольким коллегам в институте и других городах она помогала в научном и организационном плане. Один лишь пример. Когда безвременно скончалась молодая сотрудница института Марина Супрун, оставив маленькую дочку на руках у матери-пенсионерки, Наталья Александровна тут же организовала группу из 10 человек, которые каждый месяц вносили по 5 руб., и из этих небольших взносов складывалась значительная по тем временам сумма в 50 руб., служившая большим подспорьем для бабушки с внучкой. Долгие годы, пока девочка не выросла, Наталья Александровна занималась этим хлопотным делом. Кто-то уезжал в отпуск, кто-то в командировку, кто-то болел, но каждый месяц она умудрялась собрать полную сумму для своих подопечных. И все это тихо, без суеты и публичности. Вообще она была очень обязательным, надежным человеком. Когда что-то обещала, брала на себя – можно было не сомневаться, что это будет исполнено точно и в срок.

Если у нее были какие-то возможности, она щедро ими делилась. Скольким она помогла в проблемах с глазами, направляя их к своей двоюродной сестре и другу – Виктории Викторовне Перламутровой, главврачу Глазной больницы. Опытнейший специалист и прекрасный диагност, Виктория Викторовна никогда ей не отказывала, консультировала всех ее друзей и знакомых.

Наталье Александровне были глубоко чужды принцип «ты мне, я тебе», стремление общаться с «нужниками». Делая добрые дела, она никогда не рассчитывала на обратную отдачу, не ждала благодарностей и просьб. Если считала, что в ее силах помочь, то предлагала сама, первая. Поэтому принимать от нее помощь было легко.

Одна наша общая знакомая по Институту истории, много моложе нас, говорила мне, что поначалу Горская казалась ей очень строгой, даже высокомерной, но, познакомившись с ней поближе, она поняла, какой это сердечный человек.

Свое теплое отношение к друзьям она переносила на их детей. Всегда спрашивала о них, очень интересовалась их проблемами, всячески старалась помочь, если они болели. Дочкам подруг она дарила трогательные сувениры. Вообще любила делать подарки. При этом часто выбирала их не как все – исходя из того, что нужно или понравится одариваемому, но, по ее собственным словам, – из того, что нравилось или хотелось бы иметь ей самой.

Наталя Александровна была щедрым, не мелочным человеком, не умела копить деньги, никогда ничего не собирала, была не слишком практична. Не стремясь к роскоши, она любила позволить себе хорошую еду, красивую одежду, поездки на такси. Когда в 1990-е гг. начались финансовые трудности, привыкнуть к ним ей было, по моему, труднее, чем многим другим моим знакомым.

В прежние годы она придавала большое значение своей одежде. Любила, как сказали бы теперь, шопинг, но заграничным вещам, за которыми все охотились, предпочитала изделия хороших портних, часто сама придумывала фасоны. Очень любила элегантную обувь и всегда, до последнего времени носила туфли на каблуках. Она одевалась не слишком современно, не гналась особенно за модой, но всегда выглядела изящно и со вкусом одетой.

Наталя Александровна была очень привлекательной женщиной. Прямая, с хорошей фигурой, с горделивой осанкой, с красивыми ногами и ярким живым лицом. Работая в журнале, мы каждый день обедали вместе. Наташа брала полный обед – закуску, первое, второе, мороженое или чай со сладким. Она любила вкусно поесть, и ее аппетит, ее живое удовольствие от еды были так заразительны, что мне, безуспешно борющейся с полнотой, очень трудно было ограничивать себя какими-нибудь жалкими кабачками и яблочным компотом. Казалось, что такие плотные трапезы должны привести к увеличению веса, но ей, к счастью, все было нипочем. Шли годы, а ее фигура по-прежнему радовала глаз.

Красота Натали Александровны была естественной, она почти не употребляла косметики, неизменно носила одну и ту же строгую прическу – на прямой пробор, с пучком на затылке. Она, безусловно, сознавала свою женскую притягательность, но в ней совершенно не было кокетства, стремления понравиться. Пошлых ухаживаний, фамильярности она не терпела. Да и весь ее облик делал такое отношение невозможным.

В молодости от нее исходило сильное энергетическое ощущение радости и полноты жизни, интереса и даже любопытства к людям, к окружающему миру. Это ощущение придавало ей дополнительное обаяние. Свою благородную красоту она сохраняла до последних дней.

Наталья Александровна совершенно не умела фальшивить, у нее на лице отражались ее чувства и отношение к людям. Она не выносила интриганства, лживости, скользкости и, если не уважала человека, не давала себе труда это особенно скрывать. Отличалась прямоотой в общении. Мне навсегда запомнился один эпизод. В редакции журнала шло сокращение. Из двух литературных редакторов (одним из которых в то время была я) нужно было оставить одного. Руководство журнала обратилось к заведующим отделами с просьбой сообщить свое мнение на этот счет. Тогдашние отношения между Натальей Александровной и мной еще нельзя было назвать дружескими, но они были очень хорошие. Тем не менее она высказалась против моей кандидатуры. В итоге дело по большинству голосов решилось в мою пользу. Поскольку опрос был конфиденциальный, я бы, наверное, никогда не узнала о ее позиции. Но она сочла нужным тут же рассказать мне об этом и объяснила свое решение тем, что у меня нет исторического образования.

Этот поступок вполне соответствовал ее характеру, ее принципам, которые составляли важную часть ее натуры. У нее были твердые представления о поведении человека в жизни, и она неуклонно ими руководствовалась. В век сплошного блата и коррупции она никогда не прибегала к обходным путям, не давала взяток, не позволяла себе что-нибудь «достать» из-под полы. А тех, кто, пусть даже в мелких жизненных ситуациях, этим грешил (каюсь, я была в их числе) открыто, в глаза (но в разговоре наедине) осуждала.

Наталья Александровна обо всем имела свое суждение, и никому (за очень редким исключением) не удавалось ее переубедить. При чем судила достаточно резко, без полутонов. Но в своих мнениях она всегда исходила из соображений порядочности и справедливости. Последнее понятие было краеугольным в ее жизненной позиции.

Политические взгляды ее были довольно консервативные. К власти она всегда относилась, я бы сказала, послушно, без обычного для интеллигенции критического скептицизма. В пору, когда все вокруг зачитывались самиздатовскими произведениями, она наотрез отказывалась даже в руки их взять. Это было не из трусости, а из принципа. Не желала слушать политических анекдотов (а скабрзных вообще терпеть не могла). Меня удивило, что к М.С. Горбачеву и его реформам она отнеслась с искренним энтузиазмом. Поначалу ей очень нравился Б.Н. Ельцин, но после различных его «загогулин» ее мнение о нем

стало резко критическим. Мне кажется, что отношение ее к власти тоже сформировалось под влиянием семейной традиции – «всякая власть от Бога», но, может быть, я ошибаюсь.

Она с уважением относилась к религиозным убеждениям других, но сама была человеком неверующим, агностиком (по ее собственному определению). Разного рода суеверий, мистики она не признавала, была личностью сугубо реалистически и здравомыслящей. Вообще была личностью.

Наталя Александровна, русский по природе человек, была глубоко патриотична в лучшем смысле этого слова. Уверена, она никогда не могла бы уехать навсегда из России. Любила и хорошо знала Москву, любила прогулки по московским улицам и переулкам. Любила русский язык, употребляла иногда самобытные поговорки, которые слышала от бабушек, и от них же переняла необычное произношение некоторых слов. Например, говорила «завтрик», «конкрэтно».

Из культурных пристрастий Натали Александровны следует, пожалуй, выделить кино и живопись. В последние годы она много времени проводила у телевизора. Смотрела чаще всего канал «Культура» и не брезговала сериалами (тогда они в большинстве своем были качественнее, чем теперь). Театр она откровенно не любила. Как-то мне все же удалось уговорить ее, соблазнив историческим сюжетом, пойти со мной в Театр на Малой Бронной на «Лунина». Спектакль был, как выяснилось, не ахти, но пьеса Э. Радзинского показалась мне интересной. Наташа же шепотом бросала критические реплики и, как только закрылся занавес после первого действия, встала и непрерываемым тоном произнесла: «Мы уходим». И мы ушли.

Вообще в отношениях с ней я всегда чувствовала себя младшей подругой – не по возрасту (ведь разница у нас минимальная) и даже не по ее объективным преимуществам передо мной (которых было много), а потому, что она, несомненно, была более сильной и уверенной в себе личностью. Меня, как ни странно, такое положение не раздражало, оно казалось вполне естественным. Мне представляется, что Ира Гущина испытывала такое же ощущение. Может быть (хотя в значительно меньшей степени), и Марина Мошкова тоже. Но здесь я могу ошибаться.

Мы очень тесно общались в период совместной работы в журнале. Делились самым сокровенным, глубоко вникали в проблемы друг друга. Наталья Александровна сыграла большую роль в том, что я, выпускница факультета журналистики МГУ, поступила в заочную аспирантуру Истфака и защитила кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Ее увлеченность наукой была заразительна, она приложила много усилий, чтобы укрепить меня в желании выбрать

свою тему, заняться ее исследованием. Она подробно расспрашивала о моих архивных находках, уговаривала не опускать руки, когда я пасовала перед трудностями при подготовке к особенно сложной для неисторика сдаче минимума, ободряла, уверяла, что все получится. Моим успехам она радовалась, как своим собственным, и так же переживала мои беды. Она вообще очень сочувствовала чужому горю, принимала его близко к сердцу.

После ухода Натальи Александровны из журнала наша дружеская связь не ослабла, а через 3 года и я перешла вслед за ней в Институт. Там мы общались два раза в неделю, а в другие дни по нескольку раз созванивались. Каждое новое впечатление нам хотелось обсудить незамедлительно. По вечерам же были подробные, как бы итоговые разговоры. Сначала со мной, а потом – еще более долгие – с Мариной.

Фактор общения был для Натальи Александровны очень важен – и по телефону, и живую. Она была легка на подъем и любила ходить в гости. Ее приходы всегда доставляли удовольствие (по крайней мере, в нашей семье и в семье Марины Мошковой, дом которой был для нее родным с детских лет). Наталья Александровна была интересным, никогда не скучным собеседником и вносила оживление в любую компанию. С этим был связан, однако, и один из ее немногих, по моему мнению, недостатков: она не всегда умела хранить чужие секреты. Ей так нравилось делиться информацией, сообщать что-то новое, неожиданное, что трудно было удержаться, промолчать. Но следует, справедливости ради, подчеркнуть, что это, во-первых, не касалось жизненно важных вопросов, а, во-вторых, она никогда ничего не рассказала бы тому, кто мог употребить это во вред, позлорадствовать или позавидовать. Я пишу об этом только потому, чтобы она предстала перед читателем не в каком-то приглаженном, приторном изображении (как это принято в отношении ушедших), а живым человеком из плоти и крови.

Бывали периоды, когда наше общение резко сокращалось. Завершалась подготовительная стадия ее работы над очередной книгой, и Наталья Александровна буквально «прирастала» к письменному столу. Принцип «ни дня без строчки», размеренный и спокойный, был не для нее. Она, как могла, оттягивала процесс написания нового труда, а потом, когда отступать было уже некуда, образно выражаясь, ныряла в работу, задерживая дыхание, и выныривала, лишь когда была написана последняя страница. Каждую свою книгу она брала штурмом, стремясь абстрагироваться от всех общений, разного рода занятий и, по возможности, от бытовых проблем. В эти месяцы я ей старалась не звонить, а когда (не каждый день) поздно вечером раздавался звонок, ее голос звучал устало, и она не вела долгих разговоров.

Чувствовалось, что Наташа предельно выжата, а к концу этого периода – что держится из последних сил. Но вот творческая страда кончалась, все возвращалось на круги своя. Мы ходили в какое-нибудь кафе, чтобы отпраздновать достижение финиша, и было так приятно видеть, как она радуется завершению работы, вновь обретенной свободе, вообще радуется жизни.

Не могу не сказать о мужестве Натальи Александровны. На ее долю выпало немало тяжелых болезней, долгие периоды больничных мытарств. Все это она переносила стойко, стиснув зубы и запрещая себе раскисать и кукситься.

Когда ее не стало, моя жизнь обеднела. Не хватало ее сердечности, тепла, общения с нею. Не хватает и сейчас. Сегодня, когда я думаю о ней, находясь не «лицом к лицу», а «на расстоянии», мне представляется, что ее образ сродни героиням русской классической литературы. На ум приходит фигура Веры из гончаровского «Обрыва» – красивая, сильная, страстная, со своими подспудными сложностями и тайнами.

Почти полувековую дружбу с Натальей Александровной я считаю подарком судьбы. Иногда она мне снится. Молодая и веселая, какой я увидела ее впервые на Кузнецком мосту в редакции журнала «История СССР».

Н.А. ГОРСКАЯ И НАЧАЛО ЖУРНАЛА «ИСТОРИЯ СССР»

С Натальей Александровной Горской познакомился зимой 1956/57 г., когда шла подготовка к изданию нового журнала «История СССР». Тогда Н.А. Горская, уже имевшая опыт исследовательской работы историко-источниковедческого плана, написавшая диссертацию по социально-экономической истории России XVI–XVII вв., стала овладевать навыками научно-редакторской и научно-организационной работы, а также взаимодействия с широким кругом ученых Москвы, Ленинграда и провинциальных городов. О роли редакционного коллектива журнала в формировании видного деятеля науки последующих десятилетий и роли самой Н.А. Горской в становлении образа нового журнала в контексте обстоятельств научной и общественной жизни рубежа 1950–1960-х гг. и пойдет речь в этом полумемуарном эссе.

После XX съезда партии было создано два новых академических журнала исторической тематики: «История СССР» и «Новая и новейшая история» и утверждены их главные редакторы: М.П. Ким и А.А. Губер (тогда члены-корреспонденты Академии наук СССР) и их заместители. Мне предложили (как полагаю, по рекомендации академика-секретаря Отделения исторических наук М.Н. Тихомирова и сотрудника Отдела науки ЦК партии А.С. Черняева) стать заместителем М.П. Кима, который, возглавляя секцию истории общества «Знание», был знаком со мною как с активистом секции. Оставаясь доцентом Московского государственного историко-архивного института (где работал с февраля 1949 г.), я перешел в декабре 1956 г. на основную работу старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, и главной моей обязанностью до середины 1960 г. стала деятельность в журнале.

М.П. Киму и мне сразу же пришлось формировать первый состав сотрудников редакции журнала. Предполагалось, что будет шесть отделов, возглавляемых заведующими, и три из них по проблематике периодов отечественной истории (или, как принято было тогда ее обозначать, «истории СССР») – советскому периоду, периодам капитализма и феодализма. О заведующих первых двух договорились

сразу же, ориентируясь на особо перспективных в молодом поколении историков: Максим Павлович выдвинул Виктора Петровича Данилова, я – Ивана Дмитриевича Ковальченко. Назвать имя кандидата в руководители отдела феодализма не решился, не посоветовавшись предварительно с М.Н. Тихомировым, с большой заинтересованностью относившимся к новому журналу и явно намеренным стать его автором, естественно, в наибольшей мере по тематике именно этого отдела.

Однако, вскоре встретившийся мне Анатолий Михайлович Сахаров вдруг сказал: «Теперь придется опять быть вместе». На мой удивленный вопрос: «Где?» он ответил: «В твоём новом журнале, где буду возглавлять отдел феодализма». Очевидно, А.М. Сахаров имел уже договоренность об этом в ЦК или с М.П. Кимом. С А.М. Сахаровым, в ту пору доцентом истфака МГУ, был давно знаком по истфаку. Мы обращались друг к другу на «ты», но после его безобразной активности в период противокосмополитической кампании в МГУ¹ с ним в деловом плане общался мало и перестал иметь касательство к делам кафедры истфака. Когда же он стал руководить редакцией «Истории СССР» Большой советской энциклопедии (второго издания), меня отдалили от участия в подготовке статей для этого издания (статью о М.Н. Тихомирове А.М. Сахаров вынужден был мне заказать по настоячивому требованию самого Михаила Николаевича).

М.Н. Тихомиров, узнав о таком плане, объявил, что если А.М. Сахаров получит назначение, он отказывается быть членом редколлегии нового журнала. А.М. Сахаров в свое время писал под научным руководством М.Н. Тихомирова дипломную работу. Именно в тот период осенью 1948 г. в актовом зале истфака МГУ было устроено обсуждение учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева «История СССР» (Т. 1) для неисторических факультетов вузов, и партбюро факультета обязало выступать на нем учеников М.Н. Тихомирова. А.М. Сахаров высказал замечания, свидетельствующие, что его профессор не овладел марксизмом-ленинизмом. Замечу, что в тот начальный период кампании против ученых-гуманитариев акцентировали внимание еще на «идеологических» ошибках, на отступлении от марксизма-ленинизма, и первыми объектами целенаправленной критики были ученые с благозвучными славянскими фамилиями: в академическом Институте истории – А.И. Андреев, ученик А.С. Лаппо-Данилевского. Вынужденный тоже выступить, я тогда упрекал автора в том, что он недостаточно учел в учебном издании

¹ См. об этом в моих статьях о профессоре Н.А. Рубинштейне (1999 г.) и А.П. Каждане (2003 г.), перепечатанных в книге: Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Двадцатое столетие. Кн. 2. М., 2012.

новейшие достижения исследований, и прежде всего, его самого по истории средневековых городов. Когда несколько учеников (Сахаров не был среди нас) провожали пешком Михаила Николаевича домой (он, став членом-корреспондентом АН СССР, переехал тогда из дома на Большой Никитской в дом на Беговой улице), он с горечью и недоумением говорил именно о двух выступлениях – А.М. Сахарова и доцента истфака, который приписал ему пропаганду «норманнской теории». М.Н. Тихомиров, конечно, заметил незаурядные способности А.М. Сахарова и его образованность, видел в нем перспективного научного работника, но, высоко оценив его дипломное сочинение, счел возможным написать в отзыве обращение к будущему научному руководителю диссертации, тогда как в отзывах на дипломные работы его сокурсников выразил желание руководить и их работой над диссертациями.

В такой ситуации от приглашения А.М. Сахарова работать в редакции нового журнала пришлось отказаться. М.Н. Тихомиров не назвал желанного ему заведующего отделом феодализма, но дал понять, что он рассчитывает на согласование с ним этой кандидатуры. Тогда И.Д. Ковальченко и, кажется, В.И. Корецкий указали мне на Н.А. Горскую, с которой до того я не был знаком, хотя, конечно, как и другие, не мог не обратить внимание на молодую красивую и элегантную женщину, посещавшую заседания сектора феодализма Института истории. Узнав, что Н.А. Горская была последней аспиранткой академика Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомиров благословил переговоры с ней. И она заведовала отделом феодализма журнала 13 лет, а тогда была единственной дамой, руководившей отделом в редакции.

К началу 1957 г. коллектив сотрудников редакции сформировался. Для обеих редакций новых исторических журналов предоставили часть комнат большой квартиры в доме 19 по улице Кузнецкий мост (которая, как говорила мне доктор исторических наук Софья Ароновна Фейгина, до революции была квартирой ее отца). Сотрудники нашего журнала разместились в четырех комнатах третьего этажа, выходивших окнами на улицу: небольшая для машинисток (ими были две родные сестры, четко работавшие, но державшиеся несколько обособленно; одна была женой арестованного после падения Берии видного работника МВД), последняя для главного редактора, его заместителя и ответственного секретаря (там собиралась и редколлегия) и между ними две смежные большие комнаты для остальных сотрудников.

М.П. Ким обеспечивал необходимые контакты с вышестоящими партийными и советскими инстанциями и с Академией общественных наук, где готовили диссертации на темы, признаваемые особо актуальными, и указывал на то, что считалось в этих инстанциях особенно своевременным или, напротив, вызывало настороженность.

Сам он читал обычно именно эти материалы. Каждодневное руководство работой и прочтение полностью материалов всего журнала было возложено на меня.

У нас быстро возникла творческая атмосфера и система взаимоотношений, которую Ю.Ф. Карякин характеризовал, обращаясь ко мне, как «просвещенный абсолютизм». Молодые, энергичные, увлеченно занимавшиеся проблемами науки и просветительства сотрудники без натуги, с интересом делали свое дело и по существу подавили возможности самостоятельности двух навязанных нам сверху сотрудников старшего возраста – сниженного к нам с более высокой должности ответственного секретаря редакции и другого, вовсе ни к чему не пригодного, защитившего диссертацию по историко-партийной тематике и считавшегося заведующим отделом критики и библиографии.

Среди первых сотрудников редакции нашего журнала были незаурядные люди с задатками лидерства, проявившие себя позднее и как видные ученые, и как организаторы науки и преподавания в высшей школе. Они по существу пробовали в ту пору свои силы, и такая деятельность явно помогла им потом развернуться. Способности именно к такой деятельности выражались у них в разнообразных формах – и у И.Д. Ковальченко и В.П. Данилова, и у занимавших первоначально более низкое положение в редакторской иерархии В.З. Дробижева и Ю.Ф. Карякина – ученых-мыслителей широких интересов, и у проявивших себя затем в научно-редакторской сфере Л.К. Шкаренкова и Ю.И. Игрицкого.

Наталя Александровна и по тематике ее фактографической диссертации в традициях классического источниковедения начала XX в., и по нежеланию активно участвовать в устных научных спорах, отличающихся новизной постановки проблем, и по сдержанной манере поведения, выделяющей ее среди запальчивых и острых на слово коллег по редакции, казалась на первый взгляд не похожей на них. Но она скоро органично вписалась в эту редакционную среду, быстро обрела осязаемый авторитет среди них, и авторитет этот был замечен со стороны. Выяснилось скоро и то, что такое совмещение творческих людей неодинакового внешнего темперамента в одном коллективе при общей для них всех заинтересованности в общем деле и отсутствии мелочной обидчивости явно на пользу этому делу.

Более того, именно Н.А. Горская, выделявшаяся организованностью и четкостью следования установившимся у нас правилам редактирования, предопределенным сроком подготовки материала, к тому же работавшая в то время лишь в журнале (И.Д. Ковальченко связан был с истфаком МГУ, В.П. Данилов с Институтом истории), как бы цементировала коллектив и определяла тональность его каждодневного настроения. Это особенно проявилось, когда чуть позднее пришла

работать, первоначально литературным редактором, Наталья Георгиевна Думова – хорошо образованная, знавшая языки, выпускница факультета журналистики; она именно в период редакционной работы переквалифицировалась в историка, автора значимых трудов по истории общественной жизни России начала XX в. Обе Натальи сблизились и пожизненно оставались близкими подругами.

Всех сотрудников объединяло складывающееся, если можно так выразиться, альтруистическое отношение к редактированию, представление о призвании и обязанности редактора по возможности совершенствовать редактируемый текст, хотя приобретаемые текстом достоинства будут восприниматься читателями как достижения не редактора, а автора. В то же время Наталья Александровна всегда тактично считалась с индивидуальными особенностями стиля автора, манерой его поведения и системой восприятия, отражавшими черты характера, и за время моей работы в журнале не было случая, когда приходилось бы разбирать конфликт между ней и каким-либо автором.

Работа первых лет журнала «История СССР» отражала некоторые черты времени, которые вслед за И. Эренбургом называют годами «оттепели». Хотя этим чертам уделяют меньшее внимание и историографы и публицисты, предпочитая довольствоваться напоминаниями о вызывавших быстрый резонанс явлениях – громкогласных выступлениях поэтов и журналистов, разоблачениях еще недавно навязываемых суждений о событиях истории, особенно недавних десятилетий. Связывается это зачастую преимущественно с людьми сравнительно молодыми в те годы, получившими возможность открытого выражения своих мнений. На самом деле изменений в развитии гуманитарных наук не произошло бы, если бы сразу же, начиная с 1956 г., не включились в дело обновления пути и приемов движения этих наук некоторые видные, авторитетные и – главное – оснащенные высокой профессиональной подготовкой ученые пятидесяти и более лет. Показательно, что М.Н. Тихомиров уже в апреле 1956 г. добивается создания Археографической комиссии².

В выработке направлений работы журнала, в подборе авторов, в обсуждении и даже редактировании материалов действенное участие принимали первоначально такие члены редколлегии, как В.К. Яцунский (ему, в частности, обязаны сразу же выявившимся вниманием к проблемам местной истории и, соответственно, к трудам местных историков,

² См. об этом: Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012. С. 413 и след. (Статья 2009 г. «Архив РАН и Археографическая комиссия РАН: Тихомировские традиции»); Он же. 50 лет деятельности Археографической комиссии // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 2006 год. М., 2011. С. 7–8.

возрождением интереса к краеведению), М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин (благодаря именно им троим удалось ввести рубрику «Вспомогательные исторические дисциплины»), М.В. Нечкина. М.П. Ким и Ю.А. Поляков, курировавшие советский отдел, к ним очень прислушивались и содействовали тому, чтобы материалы по этому периоду по научному уровню походили на материалы отделов предшествовавших периодов истории. Имело значение и то, что возглавивший отдел народов СССР коммунист с большим стажем Александр Павлович Шелюбский, избранный парторгом редакции, легко вписался в круг более молодых.

Передовая первого номера журнала была написана еще в стиле унаследованного от прежних лет общесловия, но были особым шрифтом выделены слова о «назначении и характере» журнала «являться научно-исследовательским изданием». Указывалось на намерение «уделять значительное место источниковедению, архивоведению и вспомогательным историческим дисциплинам», а также работам «по вопросам советской и дореволюционной историографии».

Сразу же было решено организовать в редакции отдел «История СССР за рубежом» и готовить для него статьи не столько разоблачительного уклона, сколько информационного, знакомя с основным содержанием, а не только с политико-идеологической направленностью книг иностранных ученых и зарубежных периодических и продолжающихся изданий. Руководить им пригласили моего сверстника Евсея Исааковича Сливаковского, начинавшего учиться на истфаке МГУ тоже в 1939 г., но сразу же призванного в армию и потому задержавшегося с написанием диссертации (он защитил ее лишь в 1967 г.), который специализировался на иностранной библиографии. Он сдерживал подчас тех авторов, которые склонны были излишне рьяно обличать или, напротив, слишком доверчиво принимать суждения зарубежных авторов. Такая же тенденция в отношении к зарубежной литературе проявлялась и в редакции соседствующего с нами журнала «Новая и новейшая история», где главный редактор, образованнейший и обаятельнейший Александр Андреевич Губер, руководил каждодневной деятельностью редакции и поддерживал новаторски настроенных сотрудников, которым иногда не давал развернуться его заместитель.

Научно-исследовательский характер журналу придавала, прежде всего, источниковедческая основательность его материалов, позволявшая составить представление о степени полноты используемой источниковой базы и о приемах обращения с историческими источниками. Старались придерживаться и толерантности в самом стиле изложения, не уклоняясь от демонстрации разномыслия и пытаясь выявить его источниковую основу, избегая принятых ранее прикрытий цитатами из написанного теми, кого называли классиками марксизма-ленинизма.

Предоставляли возможность публиковать статьи и по темам, кажущимся на первый взгляд частными, понимая, что без подобных исследований невозможно написать убедительный труд обобщающего типа. От примитивной социологической вульгаризации, характерной для времени господства взглядов М.Н. Покровского, к тому времени уже отказались, но подтягивание изложения (его конструкции и тематического отбора фактов) для иллюстративного подтверждения цитаты классиков марксизма-ленинизма было еще общепринятым, так же как толкование мыслей классиков марксизма-ленинизма, неадекватное понятиям руководителей идеологического фронта, объяснялось (и даже каралось) как антинаучное.

В историографии еще не решались отказываться от характеристики немарксистских взглядов как ненаучных, опять же цепляясь за вырванные из контекста ленинские цитаты. Это отражалось на примитивном толковании кризиса российской исторической науки начала XX в., принижении роли отечественной исторической науки в период, когда мировое научное сообщество, демонстрируя свое уважение не только к России, но и к нашим историкам, приняло решение проводить очередной Всемирный конгресс историков в 1918 г. в столице России. На рубеже 1940–1950-х гг. публичная демонстрация неуважительного отношения к наследию самых выдающихся русских ученых-гуманитариев (историков и филологов), помещение статей такой направленности о видных по положению ученых разных поколений в периодических изданиях и критика, доходящая до неприличия, тех, для кого эти классики науки дореволюционных лет оставались научными авторитетами, были еще очень памятливы и мешали освоению научных традиций, а тем более решимости провозгласить их научную значимость и необходимость использования для дальнейшего плодотворного развития наших гуманитарных наук.

Приходилось выбирать не только темы, но и авторов, значимость выступлений которых будет особенно заметна; так, для восстановления в среде широкой общественности понимания весомости вклада в науку Н.А. Рубинштейна просили написать обстоятельную рецензию на его монографию о сельском хозяйстве России XVIII в. именно академика Н.М. Дружинина, исходя из того, что этот выдающийся историк имеет и особо высокий моральный авторитет. Но первое время попытки изложения без утайки и сокрытия вычеркивавшихся при Сталине из истории имен вызывали жалобы на редакцию (в частности, за упоминание Д.Б. Рязанова в числе лауреатов Ленинской премии в статье Ю.С. Борисова в самом первом номере журнала). Старались использовать и устанавливающиеся личные связи с зарубежными учеными – особенно благотворными были последствия проведенного в Москве в 1958 г. Всемирного конгресса славистов, где немало внимания уделялось и российской истории и довелось иметь общение даже с эмигрантами.

Нелегким оказалось совмещение высокого уровня статей известных уже ученых и молодых. Н.А. Горской повезло – в первых двух номерах особо заметными были как раз статьи ее коллег по обучению на истфаке МГУ В.И. Корецкого о закрепощении крестьян и Л.В. Милова об «Экономических примечаниях» XVIII в. Подготовка к печати таких статей облегчила ей вхождение в практику научного редактирования, а затем позволяла, указывая на эти эталонные сочинения, требовать больших усилий от предлагавших свои опусы авторов и отказывать не могущим и тем более не желающим прилагать такие усилия.

Н.А. Горская сама в эти годы не выступала как автор журнала. Имне это понятно, так как сам первую исследовательскую статью поместил лишь в номере 4 за 1960 год, когда уже определилось намерение покинуть редакцию. У Натальи Александровны были и большие семейные заботы – в феврале 1959 г. появился на свет Антон, ныне достойно продолжающий научные традиции Натальи Александровны и ее мужа Анатолия Дмитриевича Горского. Насколько помнится, Наталья Александровна в месяцы отпуска в ожидании ребенка и последующие не прерывала работы в журнале. Оставаясь и затем заведующей отделом журнала, Н.А. Горская после изменений в редколлегии и утверждения в 1960 г. главным редактором журнала В.Д. Мочалова, функционера историко-партийной идеологии, подвизавшегося до того как биограф И.В. Сталина, явственно способствовала сохранению и в тех условиях ставшей уже характерной для этого издания источниковедческой основательности его материалов.

Наталья Александровна неизменно расширяла свою исследовательскую тематику, обогащала и совершенствовала источниковедческую методику. Позднее мог наблюдать ее возрастающую историографическую эрудицию, когда Наталья Александровна вела заседания секции Аграрного симпозиума, а затем и сектора истории феодализма в академическом Институте российской истории.

Наталье Александровне, как и Анатолию Дмитриевичу, свойственна была обязывающая признательность тем, кто оказал влияние на их творчество, тем более если они еще и уважительно относились к исследовательским устремлениям молодых тогда еще историков. Они полагали своим долгом отразить в печати впечатления от общения с выдающимися учеными и освоения сделанного ими. Анатолий Дмитриевич подготовил для Археографического ежегодника статьи об А.В. Арциховском и Л.В. Черепнине³. Наталья Александровна сосредоточилась в 1990-е гг.

³ Горский А.Д. А.А. Арциховский как источниковед (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 226–233; Он же. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л.В. Черепнина (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 162–171.